

Дмитрий Евстафьев

О МИФАХ И РЕАЛЬНОСТЯХ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Почти банальностью (впрочем, совершенно справедливой) стало утверждение, что современный мир развивается в условиях неопределенности. Главным признаком этой неопределенности считается нарастающая нетранспарентность политики в сфере безопасности ключевых государств мира. Фактически мир вступил в эру стратегической нетранспарентности и неопределенности, которая прикрывается беспрецедентным нарастанием информационной активности.

Эта неопределенность, однако, не тождественна непредсказуемости, а является во многом следствием той глубокой трансформации, которую переживают современные международные отношения и, как следствие, международная безопасность.

Одним из аспектов этой трансформации является существенное изменение информационного контекста для международной безопасности и в целом для внешней политики. Это, безусловно, связано с наступлением эпохи того, что на профессиональном языке называется *интегрированные коммуникации*. Интегрированные коммуникации — это специфическая система распространения информации, которая, прежде всего, характеризуется неиерархичностью (т. е. относительно слабыми вертикальными связями), преимущественным использованием цифровых носителей информации и наличием инструментов прямого доступа к потребителю информации, а также специфическими технологиями и форматами трансформации информации.

Если посмотреть на глобальную безопасность и международные отношения с точки зрения коммуникационных стереотипов, сравнительно легко можно сделать вывод о кризисе национальной внешней политики как жанра. Мы говорим о сетевой политике, сетевых революциях (правда, почитав начинающие выходить работы участников этих революций, все больше сомневаешься в их именно сетевом характере), *гибридных войнах*, информационной безопасности и т. д. У всех этих понятий есть две общих черты: во-первых, все эти явления, оставляя в стороне вопрос об оправданности терминологии, возникают и существуют на стыке политики и информации, и большой вопрос, чего в них больше. Во-вторых, все эти широко употребляемые понятия толкуются совершенно по-разному, в зависимости от обстоятельств и политической целесообразности. Иными словами, мы зачастую употребляем термины, не до конца понимая, что за ними в действительности стоит, не понимая внутренних законов рассматриваемого явления. Это отчасти объяснимо: мы имеем дело с динамическим феноменом, который развивается практически на наших глазах.

КОНТУРЫ ПРЕДМЕТА

Информационное общество (ИО), особенно в таком сложном контексте, как международная безопасность (МБ), — явление историческое и динамичное. Оно

А
Н
А
Л
И
З

существует *здесь и сейчас* и постоянно наполнено различными противоречиями, но самое главное — проявления ИО всегда зависят от конкретной страны и от конкретного исторического этапа, который эта страна переживает. ИО свойственен дуализм: с одной стороны, ИО является глобальным и в определенной, значительной, мере наднациональным феноменом, но с другой стороны, ИО оказывает влияние на международную политику и МБ через конкретные страны. И на сегодняшний день развитие ИО в международном контексте происходит именно через это диалектическое противоречие.

Когда мы говорим об ИО в контексте международных отношений и МБ, мы прежде всего подразумеваем следующие аспекты внедрения в общественную жизнь новых информационных технологий:

Информационные. Этот аспект связан с существенным расширением формальной и фактической доступности информации по вопросам внешней политики. Речь идет о существенном повышении открытости внешней политики как для партнеров той или иной страны, так и для простых граждан. Однако было бы крайне ошибочно сводить информационный аспект лишь к возникновению новых, более эффективных способов объяснения внешней политики. Речь идет о возникновении вокруг каждого конкретного человека принципиально иной информационной среды.

Социальные. Создание возможностей потенциального влияния общества на внешнеполитические решения государства. Фактически в данном случае мы имеем дело с предполагаемым эффектом вовлечения во внешнеполитические процессы значительных масс людей, ранее совершенно отделенных от этой сферы социальными, образовательными и политическими барьерами. Проблема в том, что возможности влияния создаются в информационном пространстве, а реализуются в пространстве политического действия, а барьер между ними не снят, если не сказать, что он еще более укрепился.

Экономические. Конечно, информационные технологии продолжают оставаться, скорее, инструментом обеспечения функционирования экономики. Однако уже можно говорить о появлении производственных циклов, в рамках которых информационное пространство становится местом генерирования добавленной стоимости. А главное, возникают пока еще не значительные количественно, но уже влиятельные социально и политически группы лиц, которые рассматривают информационное пространство как производственную площадку для себя.

Управленческие. В данном случае мы имеем дело с изменением способов, прежде всего технологий и каналов управления в сфере внешней политики и МБ. Наиболее значимой проблемой становится асимметрия управленческих каналов в государствах, находящихся на разных стадиях интегрированности в ИО, что в ряде случаев рассматривают в качестве элемента непредсказуемости. В любом случае открытым вопросом является то, насколько традиционные институты власти национальных государств могут быть в принципе адекватны при дальнейшем развитии ИО на базе интегрированных коммуникаций.

Технологические. Возможность использования в сфере МБ технологий, которые нам предоставляет современная *цифровая* реальность и которые составляют, будучи интегрированными, ИО. Прежде всего речь идет о технологиях коммуникаций, упомянутых выше управленческих технологиях и технологиях цифрового моделирования (процессов, предметов пространств и пр.). Очевидно, данный аспект действительно пользуется значительным *спросом*, однако в реальности влияние данного аспекта на МБ не столь велика, тем более что именно этот аспект ИО апробировался в сфере международной безопасности уже давно, с конца 1980-х гг.

Цивилизационные. Говоря о цивилизационном влиянии ИО, мы прежде всего говорим о дальнейшем развитии эффекта *глобальной деревни* в различных ее региональных и социальных вариантах. Эффекта, который в значительной мере изменяет восприятие внешнеполитических процессов обществом, а значит, и их

статус. Отношение к ИО стало одним из важнейших глобальных идентификаторов, свидетельством принадлежности к *цивилизированному миру*, что неизбежно отражается во внешней политике государств.

Институциональные. В ряде случаев ИО начинает перерастать рамки просто технологий коммуникаций и общественного явления и становится институтом общества, а также платформой для выработки и принятия решений в сфере политики. Проблематику МБ этот процесс пока затрагивает в меньшей степени, однако тенденция налицо. Ни один из имеющихся институтов мировой стабильности и большая часть институтов мировой политики не адаптированы к тем парадигмам, которые предлагает нам ИО. Мы, однако, не всегда задумываемся над тем, как будут функционировать традиционные институты мировой политики в условиях современного информационного общества и глобальной виртуализации.

МИФЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Существуют и весьма специфические мифы, связанные с ролью ИО в современной мировой политике. Они не просто искажают картину происходящего, но и стратегически опасны, поскольку вводят нас в абсолютно не корректную парадигму восприятия внешнеполитических процессов и процессов в сфере МБ.

Миф 1. Современное информационное общество является продолжением и творческим развитием тех идей, которые были заложены в 1960–1970-х гг. Идеи ИО 1970-х и даже 1980-х гг. были ориентированы на повышение эффективности экономики за счет внедрения новых управленческих технологий. Современное ИО преимущественно ориентировано на расширение доступа к информации или, что чаще, имитацию оно, а также на существенное изменение характера персонального и группового потребления. Изначально ИО рассматривалось как вспомогательный элемент в экономике и социальной жизни, но никак не самостоятельная сфера политики и тем более экономики. Современное ИО все меньше и меньше имеет отношение и к сфере производства, и к сфере управления. Его влияние становится все более и более вторичным по сравнению с влиянием ИО на социальные процессы и институты, а также на сферу и модель потребления. Это имеет прямое отношение к развитию потенциала влияния ИО в сфере международной безопасности.

Миф 2. Развитие информационного общества привело к существенному ускорению развития международных процессов. Действительно, скорость распространения информации существенно увеличилась, более того, мы с уверенностью можем говорить о возникновении эффекта *реального времени* в мировых внешнеполитических процессах. Однако механизм выработки внешнеполитических и тем более военно-политических решений остался по сути прежним. Возможно, несколько расширились возможности и усовершенствовались технологии его экспертного обеспечения, но никак не сам процесс принятия решений. Показателем этого является хотя бы то, что институциональность во внешней и в военной политике в ключевых государствах осталась неизменной с 1970-х гг. Россия является исключением. Однако это связано не с развитием ИО, а с известными политическими трансформациями.

Миф 3. Развитие информационного общества привело к вовлечению в международные процессы большого числа людей, превратив дипломатию из элитарного в народное явление. Этот миф в целом основан на преувеличении эффекта *вовлечения общественности* в решение глобальных проблем, создании бесспорно ложного эффекта *сопричастности*. Риску предположить, что виртуализация общественной жизни, а с ней и виртуализация деятельности многих структур гражданского общества, участвовавших во внешнеполитических процессах (например, в таком явлении как *народная дипломатия*) привели к вытеснению деятельности таких структур из сферы общественного действия в сферу информации. Иначе

говоря, возможности влияния общества на внешнеполитические решения и решения в области МБ сократились, хотя иллюзия вовлеченности широких масс общества действительно присутствует.

Миф 4. Развитие информационного общества и делает внешнюю политику более открытой, честной. Механизм принятия решений во внешней политике и тем более в сфере МБ продолжает оставаться одним из наиболее закрытых институтов. Реальная внешняя политика, а тем более политика в области безопасности ключевых государств в последние годы стала исключительно *нетранспарентна*, более того, беспрецедентно не транспарентна даже по сравнению с периодом *холодной войны*, когда публичные документы в той или иной степени, а чаще в значительной степени действительности отражали государственные приоритеты. Это нарастание закрытости, к слову, и породило системный ренессанс (фактически впервые с 1980-х гг.) различных конспирологических концепций. А *верхушка айсберга* политического планирования как была крайне незначительной, так и осталась.

Миф 5. Обсуждение внешнеполитических и военно-политических приоритетов проходит теперь более открыто и на более высоком экспертном уровне. Мы можем говорить лишь о том, что расширились возможности обсуждения внешней политики и МБ, но, как правило, на остающейся незначительной фактологической базе и с сомнительным уровнем влияния. Но главное в другом: обсуждение внешнеполитических проблем ведется не на базе фактов, которые во многом остаются закрытыми, а на базе оценок, соответствие которых реальности зачастую сомнительно. В результате происходит размывание качества экспертизы в вопросах МБ, что не могло не сказаться на общем снижении востребованности экспертного сообщества в реальном политическом планировании. Интеграция бытовых коммуникационных технологий в сферу государственной политики, которую было бы более правильно назвать *твиттеризацией* (которая, по сути, есть медийная, публичная реализация клиповости общественного сознания) не создает эффекта открытости. Однако нельзя не отметить того обстоятельства, что *твиттеризация* существенно расширяет *пределы дозволенного* в коммуникациях государства, однако ставит на повестку дня вопрос о новом уровне ответственности в государственных коммуникациях. Последний феномен применительно к новым условиям интегрированных коммуникаций представляется исключительно важным и не до конца осмысленным, ни юридически (что понятно, в силу относительной молодости самого явления), ни операционно.

Таким образом, ИО реализовало достаточно широко свой потенциал *количества*, однако он не перерос и, вероятно, уже не сможет перерасти ни в какое новое *качество*.

РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: УГЛУБЛЯЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Теперь о рисках, которые возникают в результате развития ИО *вокруг, по периметру* вопросов МБ.

Первый: риск расширения операционной свободы радикальных и террористических группировок Данный риск относительно хорошо изучен и описан. Характер информационных платформ в системе интегрированных коммуникаций существенно облегчает доступ к глобальному информационному пространству радикальных организаций. Дело в данном случае не только в отсутствии ограничений в доступе к каналам коммуникаций. И в прежние годы террористические группировки сравнительно легко получали доступ к электронным и, тем более, к печатным СМИ. Речь идет о получении радикалами практически неограниченного доступа непосредственно к *конечным* потребителям их информации, причем доступа практически немодерируемого. Ведь помимо появления возможностей неограниченного тиражирования радикальной информации это дает возможность использовать технологический и общественный потенциал ИО как организационный инструмент. Тем не менее риску высказать несколько иную

точку зрения: при всей той, как правило, деструктивной роли, которую играют интегрированные коммуникации, вовлечение в террористическую активность и на уровне отдельных личностей, и на групповом уровне в большей части носит очный характер. В основном это происходит через определенные структуры, которые *вписаны* в гражданское общество той или иной страны. Более того, налицо стремление именно к общественной, если хотите, публичной легализации радикальных организаций, как это происходит в Великобритании, Франции, отчасти в Германии. Случаи полного *интернет-вовлечения* в терроризм, конечно, не являются уникальными, но говорить о них как о господствующем направлении было бы пока преждевременно. Интегрированные коммуникации в данной области инструментов пока являются базовой питательной средой, а не причиной и не ключевым фактором развития.

Второй: риск снижения информационной ответственности. Цена слова во внешней политике снижается драматически. Этот вопрос был уже затронут, когда мы говорили о твиттеризации коммуникаций, в том числе с точки зрения твиттеризации коммуникаций со стороны государства. Этот риск касается не только отдельных политиков, но и государств в целом: понятие *официальная информация* практически полностью потеряло понятный нам всем, практически сакральный смысл, которым оно обладало ранее. Причем если раньше мы наблюдали только размывание форматов официальных коммуникаций, то теперь речь идет о снятии целого ряда ограничений и с точки зрения содержания коммуникаций. Это не случайно: на сферу внешней политики оказались распространены те особенности и стереотипы, которые в принципе являются основой глобальной системы интегрированных коммуникаций. Конечно, целый ряд ситуаций во внешнеполитической сфере, связанных с *украинским кризисом*, следует отнести к *тестам овертона*, но в целом следует признать, что никогда раньше государственная пропаганда какой-либо страны в мирное время не допускала такого количества информационных фейков. Причем фейков, которые были бы способны существенно обострить ситуацию. Сфера МБ как требующая большей государственной ответственности пока остается вне зоны влияния этих стереотипов, но надолго ли?

Третий: риск превышения манипулятивного порога. Технологии интегрированных коммуникаций наиболее эффективны с точки зрения манипуляций не только информацией, но и общественным мнением, они не требуют дополнительных доказательств, что и ведет к существенному возрастанию риска *избыточной реакции на внешнеполитическую диффамацию*. Такой фактор, как недопустимость *потери лица*, еще никто не отменял. Обратимся не столько к ходу *украинского кризиса*, сколько к ситуации на Дальнем Востоке: многие политические действия как раз и направлены на то, чтобы спровоцировать у оппонента ощущение *потери лица*. В этом плане в последние несколько лет мы наблюдали целый ряд априори рискованных в политическом плане информационных действий, которые могли бы привести к серьезной дестабилизации обстановки даже в военном плане. Современное развитие ИО во внешнеполитическом контексте создает такие манипулятивные возможности, при которых политический лидер независимо от его личных качеств может быть поставлен перед лицом угрозы дискредитации, степень которой может быть сочтена достаточной для перехода к силовым действиям. Причем с учетом особенностей современного мира международные институты уже не будут играть сдерживающую роль в том масштабе, как это было еще полтора десятилетия назад.

Четвертый: риск виртуализации внешней политики. Развитие ИО в том формате и с теми параметрами, как мы это наблюдаем в настоящее время, порождает навязчивое ощущение неограниченных возможностей внешнеполитической пропаганды, которую стали стыдливо называть *страновым брендингом* или, что более цинично, но верно, *внешнеполитическим пиаром*. Риск в данном случае состоит в том, что внешняя политика подменяется набором информационных действий, которые могут и не быть связаны с реальными изменениями и не отражать реальное состояние дел. Но ведь в мире остается достаточно значимых игроков —

включая те же террористические и радикальные организации — которые реализуют свой потенциал не столько в информационном пространстве, хотя и его они вполне освоили, сколько в пространстве практического действия. Результат столкновения виртуальной и практической политики сравнительно легко предугадать.

Пятый: риск формирования фейкового политического пространства. Его масштабы и потенциал, особенно выявившиеся в ходе конфликта на Украине, поражают и, если честно, вызывают большие опасения. Это уже не просто вброс в реальную действительность некоторого количества фейков и дезинформации в классической форме, это формирование полноценных *параллельных информационных вселенных*, которые, как выяснилось, могут существовать достаточно длительное время. Главное отличие *гибридных войн* от классических конфликтов *низкой интенсивности* прежде всего в том, что в гибридных войнах применение военной силы невозможно вне информационного контекста, фейковой реальности, более того, реальная ситуация в конфликте вторична по отношению к информационной картине. В действительности риск не столь велик, пока политические процессы управляются людьми, которые знают, *как оно есть на самом деле*. Однако это означает, что в сфере международной безопасности и глобальной политики развитие информационного общества и информационных технологий всегда будут ограничены сферой реальной политики и реального принятия решений. Иными словами, ИО, вероятно, никогда не будет — вернее, не должно — допущено в сферу реальной политики, особенно связанной с применением военной силы. Однако мы уже наблюдали в последнее время целый ряд попыток вплотную подойти к *черте принятия решения* в военно-политической сфере именно на основании фейковой информации. И можно не сомневаться, что такие попытки будут продолжены.

Шестой: риск возникновения фантомных приоритетов. И тут следует вновь вернуться к тому, чем является информационное общество и какую практическую роль оно играет. В последние 10 лет оформилась некая самоцельность развития ИО. В результате ресурсы, которые могли бы расходоваться на практическое развитие, прежде всего на социальное и технологическое, виртуализируются, причем без возможности их девиртуализировать. Развитие ИО в глобальном масштабе существенно способствовало глобальному замедлению социально-экономического развития. Поэтому, хотя в тактическом плане этот риск можно считать самым безвредным, стратегически именно он несет для человечества наибольшую опасность, ибо он подменяет развитие, если хотите *прогресс*, в технологическом, да и в социальном смысле этого слова коммуникациями по поводу прогресса и спором о дефинициях. И это также один из важнейших аспектов, порожденных системой интегрированных коммуникаций, где форма существенно важнее содержания.

Если же посмотреть на все эти риски под углом изменения ситуации в мировой политике, становится предельно очевидно, что рассмотренные выше риски фокусируются на одном главном аспекте: они существенно увеличивают тот градус глобальной неопределенности, с разговора о котором мы начали этот материал. Стратегическая неопределенность, нарастание недоверия между ключевыми странами, отсутствие внятной публично декларируемой долгосрочной политики существенно усилили этот эффект. Пока мы его ощущаем только на уровне текущей политики, но уже совсем скоро, вероятно, он начнет воздействовать и на среднесрочные приоритеты развития. 🤖